

Височные подвески – «бараньи рога» и некоторые вопросы мировоззрения ранних кочевников степей Восточной Европы (IX–VII вв. до н.э.)

Дудин Александр

*Дудин Александр. Скроневі підвіски - «роги барана» та деякі питання світогляду ранніх кочовиків степів Східної Європи (IX–VII ст. до н.е.). У статті розглядаються питання походження скроневих підвісок у формі рогів барана та відображення в них деяких проявів світогляду ранніх кочовиків степів Східної Європи (IX–VII ст. до н.е.). Автор простежує певний зв'язок таких підвісок з Північним Кавказом та, базуючись на багатому археологічно-етнографічному матеріалі, висловлює думку щодо використання підвісок «роги барана» в якості оберегу. **Ключові слова:** скроневі підвіски, рога барана, Північний Кавказ, оберег.*

*Dudin Alexander. Temporal suspension brackets - «the sheep horns» and some questions of world outlook of early nomads of steppes of the Eastern Europe (the 9th-7th centuries BC). In article questions of an origin of temporal suspension brackets in the form of horns of a sheep and display in them of some demonstrations of world outlook of early nomads of steppes of the Eastern Europe (the 9th-7th centuries BC) . The author traces certain communication of such suspension brackets with Northern Caucasus being based on a wide archaeological-ethnographic material states thought on use of suspension brackets in quality amulet. **Key words:** temporal suspension brackets, horns, sheep, Northern Caucasus, amulet.*

Височные подвески в виде спиралевидного в полтора оборота свернутого кольца, один конец которого закруглен, а другой завершается гвоздеподобной шляпкой, в некоторых исследованиях, посвященных изучению материальной культуры ранних кочевников предскифского периода, получили название «бараньи рога» [16, с. 24–25]. Данное название обусловлено сходством формы данного типа височных подвесок с абрисом рогов барана. В целом же височные подвески «бараньи рога» можно отнести к категории украшений так называемой гвоздеподобной формы.

Находки височных подвесок в виде бараньих рогов на территории степной полосы Восточной Европы довольно немногочисленны. Так, на

данный момент нам известно всего лишь пять погребений ранних кочевников IX–VII вв. до н.э. (Высокая Могила 5, Димитрово 1/1, Чечелиевка 2/8, Львово 14/2, Целинное 16/3), где были обнаружены такие подвески. Стоит отметить, что большинство погребений локализуется в Приднепровском регионе, и только лишь погребение Целинное 16/3 находится в северной части Крымского полуострова, что, впрочем, не слишком существенно, поскольку северная часть Крыма территориально очень близка к Приднепровью.

Почти все подвески в погребениях фиксируются у височных областей черепа, что говорит об использовании их по прямому назначению – в качестве украшений. В погребении 5 Высокой Могила подвески представлены одним экземпляром, который находился у левой височной области черепа погребенного. Носили такие подвески как мужчины, так и женщины, подтверждением чему является находка подвесок в женском погребении с. Львово.

Особо стоит остановиться на более детальном анализе принципа изготовления данного типа подвесок. Изготавливались они из металлического прута округлой формы и разного сечения, от 0,5 см (Высокая Могила 5) до 0,8–0,9 см (Чечелиевка 2/8, Димитрово 1/1). Как мы уже отмечали, один конец подвесок имел закругленную, несколько приплюснутую форму, другой конец – гвоздеподобную шляпку, на боковой поверхности которой имеются один или два неглубоких желобка. Наиболее объединяющей чертой подвесок является присутствие на наружной поверхности гвоздеподобной шляпки, трех радиально расходящихся от центра прямых нарезок. Височные подвески из погребений Высокой Могила 5, Чечелиевка 2/8, Димитрово 1/1 были изготовлены из золота. В остальных погребениях (Львово 14/2, Целинное 16/3) подвески изготовлены из бронзы, но плакированы золотой фольгой.

Вопрос происхождения височных подвесок гвоздеподобной формы исследователями решается неоднозначно. А. И. Тереножкин в 60-х годах прошлого столетия высказал предположение о возможной связи гвоздеподобных украшений с находками подобных украшений на территории Сибири [17, с. 202]. В дальнейшем, в своей известной монографии «Киммерийцы», он не возвращается к вопросу о происхождении данного типа украшений, оставляя его открытым.

Авторы публикаций погребения 5 из кургана Высокая Могила, где был найден один экземпляр подвески, отмечают находки аналогичных подвесок в северокавказских и карасукских комплексах [2, с. 157].

В свою очередь авторы публикации погребения у с. Чечелиевки связывают данный тип височных подвесок с морфологически подобными по форме подвесками кобанской культуры Северного Кавказа [3, с. 225].

О. Р. Дубовская отмечает отсутствие связи таких подвесок с белозерской культурой позднего бронзового века в степях Причерноморья, а в дальнейшем и с раннескифскими древностями, при

этом обращая внимание на синхронные находки подобных подвесок на Северном Кавказе [6, с. 210].

Не так давно Л. С. Ключко высказала гипотезу о восточном происхождении черногогорских гвоздеподобных подвесок. По ее мнению, данный тип подвесок сложился под влиянием подвесок в полтора оборота, бытовавших на широкой территории от Алтая до Трансильвании, начиная еще с энеолита. Результаты этого влияния четко фиксируются по находкам подобных подвесок на памятниках карасукской культуры [7, с. 87].

Как видим, в вопросе происхождения височных подвесок «бараньи рога» преобладают два направления в решении этой проблемы – северокавказское и восточное. Рассмотрим более детально каждое из этих направлений.

В своей типологии украшений западного варианта кобанской культуры В. И. Козенкова выделяет отдельный тип (VIII) височных подвесок, аналогичных северопричерноморским находкам. Кроме подвесок с грибовидной шляпкой на одном конце, исследовательница относит к данному типу и находку в погребении 3/6 могильника Индустрия 1, подобной подвески изготовленной из сурьмы, с грибовидной шляпкой на обоих концах. По ее мнению, находки височных подвесок VIII типа на Северном Кавказе более архаичны, нежели находки подобных подвесок в степях Причерноморья, куда они попадают в результате контактов ранних кочевников с населением западного варианта кобанской культуры [8, с. 36]. При этом остаются не совсем понятным выводы исследовательницы: говоря об архаичности северокавказских находок, В. И. Козенкова ссылается на состав инвентаря захоронений, где были найдены височные подвески, и датирует эти захоронения VII–VI вв. до н.э. Данная датировка явно не отвечает выводам исследовательницы, поскольку северопричерноморские комплексы датируются преимущественно в пределах IX–VIII вв. до н.э., что говорит как раз об архаичности последних. Возможно предположить, что В. И. Козенкова ошибочно датировала северокавказские находки столь поздними датами.

Более подробно находки височных подвесок интересующего нас типа на территории Северного Кавказа рассмотрены в заметке В. А. Фоменко. Анализируя металлические украшения из каменноостско-березовских могильников Кисловодской долины, исследователь выделяет из их числа три массивных подвески в полтора оборота с грибовидными шляпками с одного конца. Подвески были найдены в погребениях 5, 10, 13 могильника Индустрия к югу от Кисловодска. Близкие аналогии этим подвескам исследователь находит в уже известных нам погребениях степного Причерноморья. При этом исследователь отмечает, что все три северокавказских подвески были изготовлены из сурьмы, в отличие от золотых или плакированных золотом причерноморских находок. Данное обстоятельство, по мнению В. А. Фоменко, обусловлено недоступностью для местного населения золота и заменой его другим

цветным металлом – сурьмой. В целом все погребения каменноостско-березовской группы, где были найдены сурьмяные подвески, автор публикации относит ориентировочно к разряду женских и датирует их VIII–VII вв. до н.э. [19, с. 33].

По нашему мнению, форма и принципы изготовления северокавказских височных подвесок все-таки говорят об их архаичности по отношению к причерноморским находкам височных подвесок «бараньи рога». Возможно предположить, что традиция изготовления гвоздеподобных подвесок зародилась у населения западного варианта кобанской культуры, при этом, судя по немногочисленным находкам, она не получает широкого развития в кобанской среде. Но, благодаря культурным связям населения западного варианта кобанской культуры с ранними кочевниками Причерноморья, традиция изготовления таких подвесок получает свое дальнейшее развитие в культуре последних. Ранние кочевники значительно усложняют принципы изготовления данного типа подвесок. Так, становится более массивной грибовидная шляпка на одном конце подвесок, тогда как другой конец приобретает заостренную форму. На шляпку наносятся три радиально идущие от центра нарезки. Сам изгиб металлического прута с большей точностью воспроизводит очертания бараньих рогов.

Что же касается предположения о восточном происхождении височных подвесок «бараньи рога», то веским аргументом в пользу данного утверждения, по мнению Л. С. Ключко, должен служить «восточный» контекст, в котором были найдены подвески [7, с. 87].

Проведя детальный анализ инвентаря погребений с височными подвесками «бараньи рога», мы можем констатировать попадание в «восточный контекст» только преобладающего количества костяных и бронзовых наконечников стрел из Высокой Могилы 5 и, некоторыми оговорками, железного кинжала из Целинного 16/3, тогда как остальной инвентарь имеет местное происхождение или находит свои аналогии на Северном Кавказе. Последнее особенно важно, поскольку свидетельствует в пользу возможной связи с Северным Кавказом и височных подвесок типа «бараньи рога». Присутствие восточных элементов в инвентаре Высокой Могилы 5 действительно может говорить о возможном захоронении здесь воина-всадника, в лице которого можно было бы видеть продвижение с востока «протоскифов». Но данное обстоятельство не может быть весомым аргументом в пользу восточного происхождения височных подвесок «бараньи рога». Пришлые кочевники могли просто позаимствовать традицию ношения данного типа подвесок у местного населения. В пользу этого утверждения могут говорить и последние изыскания исследователей в хронологических построениях предскифского периода, относящих данное погребение к числу наиболее поздних [12, с. 128]. Кроме этого стоит отметить еще один любопытный момент. По данным К. В. Чугунова, в мужских могилах Саяно-Алтая и Казахстана обычно

находят одну серьгу слева от черепа, а в женских – две. При этом исследователь отмечает бытование такой традиции и в западных регионах евразийского степного пояса [20, с. 386], где исследователи сопоставляют данную традицию с обычаем калмыков «...мужчины носили серьги в левом ухе, незамужние девушки – в правом. И только замужние женщины имели право носить серьги в обоих ушах как символ принадлежности двум родам – мужа и своего отца» [5, с. 138].

Об определенной связи височных подвесок типа «бараньи рога» с Северным Кавказом говорит также закономерность в локализации погребений, где они были обнаружены. По мнению некоторых исследователей, картографирование киммерийских погребений, стел, а также кладов, «позволяет наметить нити торговых путей предскифского периода», которые тянутся от Среднего Поднепровья к Боспору Киммерийскому, а оттуда в Азию [4, с. 179–180]. Действительно, погребения, где обнаружены интересующие нас височные подвески, образуют некую цепочку, с севера с верховьев реки Ингулец (Димитрово 1/1, Чечелиевка 2/8), далее на юг к Нижнему Поднепровью (Львово 14/2), пересекая Днепр, следуя в северную часть Крыма (Целинное 16/3). Заметим при этом, что в стороне остается погребение 5 кургана Высокая Могила, которое локализуется на востоке от остальных погребений, на левом берегу Днепра. Согласно выше упомянутым исследователям, это погребение также маркирует очертания торгового пути, который проходил на левом берегу Днепра и тянулся к северной части Крыма [4, с. 179].

По нашему мнению, данная цепочка погребений с височными подвесками типа «бараньи рога» может отражать не только торговые пути, а также маршруты сезонных перекочевок населения степей в предскифский период. Как известно, на рубеже бронзового и раннего железного века население степей Восточной Европы переходит к кочевому образу жизни, который, в свою очередь, предполагает постоянную подвижность населения в поисках пригодных для корма скота пастбищ. В степной части Поднепровья, скорее всего, передвижение кочевого населения происходило по определенным маршрутам, преимущественно в вертикальном направлении. Летом скот выпасался в приграничных районах с лесостепной зоной на севере степи Причерноморья, к зиме население вместе со скотом перемещалось в южные районы. К сожалению, рамки нашего исследования не позволяют рассмотреть проблему путей сезонного кочевания более детально.

Несомненно, переход к кочевому скотоводству не мог не отразиться и на мировоззрении населения степей Восточной Европы. Мелкий рогатый скот, представленный преимущественно овцами, баранами и козами, становится одной из наибольших материальных ценностей. Раннекочевое население все больше и больше осознавало прагматическую значимость скота, в частности барана, его роли в удовлетворении основных жизненных потребностей, что находило свое

отражение в становлении новых мировоззренческих ценностей. В связи с этим изготовление височных подвесок в виде рогов именно барана может свидетельствовать о существовании у раннекочевого населения Причерноморья культа, связанного с этим домашним животным. Еще авторы публикации раннекочевого погребения в с. Целинное в северном Крыму высказали мнение об определенном символическом значении височных подвесок в виде рогов барана, связанного с особым местом этого животного в мировоззренческих взглядах иранских народов [9, с. 240]. В дальнейшем это предположение не получило должного развития. Поэтому мы предлагаем вернуться к рассмотрению данного вопроса с привлечением известных нам материалов по данной тематике.

В первую очередь стоит обратиться к замечательному исследованию Б. А. Литвинского, посвященному древнеиранскому божеству Хварно или Фарну, как называли это божество сарматы на своем диалекте. Фарн олицетворял собой в первую очередь небесную благодать, удачу и славу. Исследователь отмечает частое воплощение у сарматов и у среднеазиатских народов этого божества в виде барана [11, с. 109–110]. Образ барана нес в себе и определенную смысловую нагрузку в скифском зверином стиле [14, с. 44].

В целом же символическое значение барана свойственно культуре многих древних народов. В народных обычаях и поверьях казахов, связанных со скотоводством, бараны наделялись свойствами оберега. При этом в качестве оберега выступали сами животные [1, с. 195]. В древнем Хорезме баран сакрально связывался с идеей человеческой души, с моментами перевоплощения. В пережиточных верованиях многих среднеазиатских народов это животное являлось, как мы уже отмечали выше, прежде всего оберегом против духов и дурного глаза. В качестве оберега могли использоваться и изображения рогов барана, например, в качестве орнамента на коврах, кошмах, вышивках [15, с. 315–317]. Е. Е. Кузьмина отмечает проявления культа барана у индоиранцев в Средней Азии уже в древности, в бронзовом веке, у носителей андроновской культуры и связывает его образ со счастьем и удачей [10, с. 123].

Некоторые пережитки культа этого животного известны и у народов Северного Кавказа. Уже в бронзовом веке, исходя из находок привесок в форме бараньих рогов, статуэток барана в погребениях горцев Центрального Кавказа XII–X вв. до н.э., возможно говорить об определенном культовом значении барана [18, с. 196]. Вероятнее всего, определенная культовая традиция, связанная с этим животным, имела место в мировоззренческих взглядах кобанских племен.

Как видим, чаще всего образ барана или его определенной части, в частности бараньих рогов, использовался многими народами как оберег, который должен был охранять человека от духов, дурного глаза, а также приносить счастье и удачу. Вероятнее всего именно в таком качестве использовались и височные подвески типа «бараньи рога» и у ранних кочевников степей Восточной Европы. Сейчас трудно сказать, насколько

широко эта традиция была распространена в обществе ранних кочевников на всей территории степей Восточной Европы. Немногочисленность находок данного типа подвесок пока дает возможность говорить о существовании традиции ношения височных подвесок в виде бараньих рогов в качестве оберега только у определенной группы населения степной части Приднепровья. Возможно, мы имеем дело с существованием зоолатрии в среде определенной части кочевого населения степей Восточной Европы. По крайней мере, находка черепа барана в погребении кургана близ с. Целинного может говорить о том, что он был помещен в погребение не с целью заупокойной пищи, а возможно, как в некоем роде тотем племени или кочевой общины для того, чтобы в новом мире усопший получил силу от этого животного.

Не совсем ясным остается вопрос размещения на поверхности гвоздеподобной шляпки подвесок трех радиально расходящихся от центра прямых нарезок. В археологической литературе уже было высказано мнение, что данные нарезки в виде трех лучей могут являться родовым знаком черногорцев, отличным от знака новочеркасцев – ромба с кружком в центре, вписанного в окружность. При этом наличие подвесок в новочеркасском погребении в пос. Димитрово объясняется как показатель межплеменных связей [4, с. 179]. Данное предположение, конечно, имеет право на жизнь, но мы бы не были столь категоричны в вопросе объяснения этих нарезок как родового знака черногорцев хотя бы потому, что данный знак не известен нам по другим находкам, кроме как на немногочисленных находках височных подвесок. Искусству ранних кочевников степей Восточной Европы IX–VII вв. до н.э. больше присущи крестообразные, четырехвекторные символы. Действительно, этот знак может быть родовым знаком, чем-то вроде тамги [13, с. 77 рис. 5, 44; 6, 21; 8, 177], но только определенной группы раннекочевого населения, не столь масштабной, как черногорцы в целом. А наличие таких подвесок в новочеркасском погребении в пос. Димитрово может говорить не сколько о межплеменных контактах, сколько о возможности бытования у этой группы населения разных способов захоронения умерших, как скорчено на боку, так и вытянуто на спине. Семантика же данного знака может объясняться как стилизованное изображение барана.

В завершении нашего исследования хотелось бы остановиться на проблеме использования височных подвесок в виде рогов барана и связанного с этим животным определенного культа, в качестве возможного доказательства ираноязычности ранних кочевников степей Восточной Европы в IX–VII вв. до н.э. [9, с. 240]. Приведенные выше аналогии о символическом значении барана у таких ярких представителей североиранских народов, как скифы и сарматы, действительно может быть весомым аргументом в пользу возможной принадлежности кочевого населения степей Восточной Европы в предскифский период, или, по крайней мере, какой-то его части, к числу

североиранских народов. Но связывать традицию изготовления височных подвесок в виде бараньих рогов с восточным (протоскифским) влиянием, по нашему мнению, не стоит.

Литература

1. *Аргынбаев Ж.* Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством / Ж. Аргынбаев // Хозяйственные и культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1975.
2. *Бидзиля В. И.* Киммерийские погребения Высокой Могилы / В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко // Советская археология. – 1974. – № 1.
3. *Бокий Н. М.* Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области / Н. М. Бокий, Г. П. Горбул // Советская археология. – 1985. – № 4.
4. *Бокий Н. М.* Киммерийские захоронения на Кировоградщине / Н. М. Бокий, Г. П. Горбул, В. В. Отрошенко // Советская археология. – 1991. – № 1.
5. *Дворниченко В. В.* Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья / В. В. Дворниченко, В. В. Плахов, М. А. Очир-Горяева // Российская археология. – 1997. – № 3.
6. *Дубовская О. Р.* Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья / О. Р. Дубовская // Археологический альманах. – 1997. – № 6.
7. *Ключко Л. С.* Цвяхоподібні сережки передскіфського та скіфського часу / Л. С. Ключко // Ранній залізний вік Європи. До 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна: Матеріали міжнар. наук. конф. – К., 2007.
8. *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен (западный вариант) / В. И. Козенкова. – М., 1998.
9. *Корпусова В. Н.* Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму / В. Н. Корпусова, В. П. Белозор // Советская археология. – 1980. – № 3.
10. *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / Е. Е. Кузьмина. – Фрунзе, 1986.
11. *Литвинский Б. А.* Кангоско-Сарматский фарн / Б. А. Литвинский. – Душанбе, 1968.
12. *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья / С. В. Махортых. – К., 2005.
13. *Ольховский В. С.* Тамга (к функции знака) / В. С. Ольховский // Историко-археологический альманах. – 2001. – № 7.
14. *Рябкова Т. В.* Образы звериного стиля скифского стиля / Т. В. Рябкова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 2005. – Вып. 37.
15. *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма / Г. П. Снесарев. – М., 1969.
16. *Тарасова Н. В.* Височные подвески – «бараньи рожки» предскифского периода / Н. В. Тарасова // Проблемы археологии, древней и средневековой Украины. Тез. Докладов. – Харьков, 1995.
17. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском правобережье / А. И. Тереножкин. – К., 1961.
18. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI – X вв. до н.э. / Б. В. Техов. – М., 1977.
19. *Фоменко В. А.* О некоторых типах металлических украшений из Каменомостско-Березовских могильников Кисловодской долины / В. А. Фоменко // Археология и краеведение Кавминвод. – Кисловодск, 1992.